

РЕЦЕНЗИИ

Т. М. Демичева, В. Н. Борисенко

Демичева Таусия Максимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: t.demicheva@spbu.ru.

Борисенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: v.borisenko@spbu.ru.

КАК МЫ ГОВОРИМ О КОНТРРЕВОЛЮЦИИ? ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ «ФЕНОМЕН КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРАКТИК В ЕВРОПЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ»¹

В рецензии рассматривается коллективная монография «Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени» под редакцией профессора А. В. Смолина. Показано, что данное исследование позволяет по-новому взглянуть на феномен контрреволюции, используя разные исторические явления, включая сюда как стандартное понимание контрреволюции в виде вооруженной или невооруженной формы сопротивления (Славная революция, Вандейский мятеж, крестьянские восстания в эпоху Наполеона, Гражданская война в Финляндии), так и, казалось бы, нестандартное понимание данного процесса в его идеологическом и религиозном содержании (религиозное изменение английской конституционной революции 1828-1832 гг., модернизация при национал-социализме, борьбу британского консерватизма и либерализма против европейского федерализма в 70-е гг.).

Ключевые слова: контрреволюция, революция, модернизация, Славная революция, Вандея, Парламентские реформы, гражданская война в Финляндии, национал-социализм. «Тихая революция».

¹Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени / под ред. А. В. Смолина / авторский коллектив: Барышников В. Н., Гончарова Т. Н., Кипнис Б. Г., Сидоренко Л. В., Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С., Пленков О. Ю., Чепик В. Н. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2021. 512 с. ISBN 978-5-907505-13-1

T. Demicheva, V. Borisenko

Demicheva Taisiia Maximovna, PhD in History, Senior Lecturer of the Institute of History, Saint Petersburg State University, Department of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.demicheva@spbu.ru.

Borisenko Victor Nikolaevich, PhD in History, Assistant Professor of the Institute of History, Saint Petersburg State University, Department of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: v.borisenko@spbu.ru.

**SHOULD WE TALK ABOUT COUNTER-REVOLUTION?
SOME REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH
«THE PHENOMENON OF COUNTER-REVOLUTION
IN HISTORY: COMPARATIVE ANALYSIS
OF POST-REVOLUTIONARY PRACTICES
IN EUROPE IN MODERN AND CONTEMPORARY TIMES»**

The review examines the collective monograph “The Phenomenon of Counter-Revolution in History: Comparative Analysis of Post-Revolutionary Practices in Europe in Modern and Contemporary Times” edited by Professor A. V. Smolin. This study allows us to take a new look at the phenomenon of counter-revolution, using various historical phenomena. On the one hand it is a standard understanding of counter-revolution as form of armed or unarmed forms of resistance (Glorious revolution, Vendée revolt, peasant uprisings in the era of Napoleon, Civil war in Finland). From the other hand it is a non-standard understanding of this process with its ideological and religious content (the religious dimension of the English constitutional revolution of 1828-1832, modernization under National Socialism, the struggle of British conservatism and liberalism against European federalism in the 70s).

Keywords: counter-revolution, revolution, modernization, Glorious revolution, Vendee, Parliamentary reforms, Civil war in Finland, National Socialism, “Silent Revolution”.

Treason doth never prosper, what's the reason?
For if it prosper, none dare call it Treason.
John Harington (1561 – 1612)

Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.
С. Я. Маршак «Простая истина».
Собрание сочинений в 4-х т. Т. 3. С. 593.

Проблема трансформации общественных отношений в истории всегда волновала исследователей-гуманитариев, а споры о приоритете постепенного (эволюционного) или скачкообразного (революционного) развития социума ведутся до сих пор. Несмотря на наличие обширной исследовательской базы по проблематике революционных движений в настоящий момент в зарубежной и отечественной историографии отсутствует какая-либо единая и утвердившаяся система рассмотрения антипода революции и неперемennого атрибута постреволюционной практики – контрреволюции – как одного из способов развития западной цивилизации.

С целью решить поднятую проблему осенью 2021 г. в свет вышла монография «Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени» под редакцией профессора А. В. Смолина. Исследование было выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-09-00383 с аналогичным названием. Сама монография продолжает практику предыдущего опыта создания монографических исследований кафедрой истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета².

Монография состоит из двух глав. Представляется вполне логичным разделение глав на Новую и новейшую историю. Раздел, посвященный феномену контрреволюции в Новое время, рассматривает события на Британских островах и во Франции конца XVII-начала XIX вв. Во втором

²Борисенко В.Н., Демичева Т.М. Рецензия на коллективную монографию: от национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв. / авторский коллектив: Барышников В. Н., Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Евдокимова Н. П., Климова Г. С., Пленков О. Ю., Сидоренко Л.В., Соколов О. В., Фокин В. И. под ред. А. В. Смолина. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. – 620 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17–1. С. 222–225.

разделе приведен анализ контрреволюционных практик новейшего времени. В нем авторы обратились к историческим примерам Финляндии, Германии и Великобритании в XX в.

На протяжении всего исследования прослеживается стремление авторов найти ответ на вопрос: что такое контрреволюция и какие факторы непосредственно влияли на данный феномен? Таким образом, авторский коллектив поставил перед собой цель показать особенности контрреволюционных проявлений в различные исторические эпохи, что четко отражено в структуре повествования.

Важно отметить, что авторы данной монографии трактуют контрреволюцию как многогранный процесс, включающий как вооруженную или невооруженную форму сопротивления кардинальным преобразованиям, так и другим процессам, которые ведут к глобальным переменам в социальных сферах общества³. Иными словами, сама трактовка феномена контрреволюции представлена столь разнопланово и разнообразно, что, таким образом, представляет новый этап в изучении контрреволюционных практик, которые ранее, как справедливо отмечали авторы, скрывались за изучением непосредственно революционных явлений. Как нам кажется, именно многоплановость и нестандартность в подходе к изучению феномена контрреволюции выгодно отличает данное исследование от многих других.

В первой главе, раскрывающей теорию и практику английской контрреволюции от конца XVII до конца XVIII вв., Л. В. Сидоренко показал особый характер контрреволюции в Британии XVII-XVIII в., основанный на революционных началах конца XVII в. Он подчеркивает вторичность контрреволюции по отношению к революции и выделяет черты, которые позволяют характеризовать изучаемое явление как контрреволюционное.

Л. В. Сидоренко особо отмечает те трудности, с которыми может столкнуться исследователь, когда пытается разобраться в сложном процессе революционного строительства на Британских островах. Приступая к изучению феномена контрреволюции, надо понимать, что этот вопрос начинается уже с момента: а была ли революция и если да, то сколько?

Здесь автор приходит к выводу, что, если часть современников тех событий рассматривали события конца XVII в. как революцию, то опыт контрреволюции осмысливался уже «Post Scriptum». Отмечено, что пони-

³Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. Санкт-Петербург, 2021. С. 5.

мание революции в XVII в. заметно отличалось от современного, и тогда оно означало возврат к прежним порядкам и нормам. Л. В. Сидоренко подчеркивает проблемные аспекты понимания исследуемых терминов – революции и контрреволюции – когда мы говорим о Британии XVII в. и обращает наше внимание, что контрреволюция всегда является более поздней рефлексией.

Кроме этого, автор акцентирует внимание на существовании разных трактовок смены монарха во время Славной революции современниками и историками, что, как справедливо отмечал Л. В. Сидоренко, не могло не сказываться на осмыслении контрреволюции.

Были проанализированы причины, почему якобитская контрреволюция не одержала победу – здесь роль принадлежала религиозному фактору, который разделил приверженцев якобитизма на два лагеря. Особо отмечен интернациональный характер якобитской контрреволюции. Вместе с тем, возможно, говоря про попытки якобитской реставрации, стоило бы указать на важность якобитских восстаний, поскольку восстание 1745–1746 гг., лидером которого был знаменитый принц Карл Эдуард Стюарт (еще известный как Молодой Претендент), было упомянуто в главе лишь вскользь.

В конечном итоге мы можем судить, что Л. В. Сидоренко была показана связь политического и религиозного факторов в дихотомии «революция – контрреволюция» на Британских островах в конце XVII – начале XVIII в.

Во второй главе Т. Н. Гончарова подвергла сомнению применение термина «контрреволюция» к Вандейскому мятежу. Она отмечает отсутствие четкого плана действий у крестьян и единого командования вначале, поскольку войну начали не дворяне. Автор приводит различные аргументы и свидетельства относительно того, как стоит рассматривать события в Вандее – как мятеж или как контрреволюцию – и обращает внимание читателя на то, что, согласно свидетельствам очевидцев, война носила скорее оборонительный, нежели наступательный характер.

В исследовании подчеркивается важность понимания и генезиса репрессивных мероприятий против Вандеи в марте 1793 г. Т. Н. Гончарова ясно показала причину, по которой события в Вандее стали рассматриваться как часть масштабного контрреволюционного замысла. Как верно отмечает автор, сформулированное понятие контрреволюционности позволяло многое объяснить и сохранить честь молодого неопытного государства, особенно в контексте борьбы монтаньяров с жирондистами.

Кроме того, сделан акцент на том, что в рамках позднейшего осмысления последствий Вандеи Бурбоны придерживались точки зрения, будто все население Вандеи, а не только дворяне, сражались на стороне контрреволюции.

Важно, что Т. Н. Гончарова пытается разобраться в причинах формирования контрреволюционного мифа о Вандее. Она очень четко и логично доказывает, что причины указанных событий были исключительно бытовыми, а не контрреволюционными, и заключались в протесте против буржуа, пришедших на смену сеньорам, а также в протестах против изменений в религиозном плане. Таким образом, декрет от 24 февраля 1793 г. о рекрутском наборе был лишь поводом, а не причиной мятежа.

Пытаясь разобраться в том, почему так долго Вандейский мятеж виделся контрреволюционным, она приходит к выводу, что причину стоит искать в марксистской трактовке событий. Вандейский мятеж рассматривался как реакционный, как дворянский заговор, и таким образом, истинные причины были замолчаны на долгое время.

Разумеется, когда ореол контрреволюционности Вандеи оказывается разрушенным, логично возникает вопрос, а какой же опыт во Франции времен Революции и Первой империи можно назвать контрреволюционным? И Т. Н. Гончарова приводит случай департамента Ардеш, где вернулся именно контрреволюционный мятеж.

Логичным продолжением исследования Т. Н. Гончаровой является третья глава в изложении историка Б. Г. Кипниса. Главой ранее Т. Н. Гончарова писала, что Вандейский мятеж в самом своем начале не являлся контрреволюцией, Б. Г. Кипнис продолжает тенденцию, говоря, что восстания крестьян, на землях, занятых Наполеоновскими войсками, считавшиеся историками контрреволюционными, таковыми не были. По факту они представляли собой недовольство на непосильные контрибуции, самоуправство и грабеж народа.

Вместе с тем эта мысль проходит у автора как бы вскользь, вследствие чего точка зрения Б. Г. Кипниса относительно тех событий нам кажется не очень ясной – так были ли они контрреволюционными? И все ли недовольства крестьян на вторжение и нахождение иноземной армии следует называть контрреволюционными? Безусловно, историографический анализ трактовки данных событий дополнил бы яркую картину народных восстаний, нарисованную Б. Г. Кипнисом.

Завершает раздел о контрреволюции Нового времени глава, посвященная политическому развитию и реформам в Британии в конце 20-х

– начале 30-х гг. XIX в. В этой историографической главе авторами рассматриваются тенденции в изучении конституционной революции 1828–1832 гг. в ее религиозном осмыслении.

М. С. Стецкевич и Е. С. Стецкевич полагают, что, прежде всего, стоит искать контрреволюцию не в политике, а в религии. Таким образом, авторы рассматривают парламентскую реформу как религиозное противостояние. Они обратили внимание на то, что парламентские реформы помещали в религиозный контекст не только тори, приверженцы Церкви Англии (для которых отмена актов рассматривалась как посягательство на британскую конституцию), но и диссентеры.

Авторы отметили, что позднее, во второй половине XIX – начале XX в., религиозное понимание парламентских реформ отсутствовало. Иными словами, связь трех актов подчеркивали современники, но впоследствии историки ее не учитывали и обращали лишь внимание на взаимосвязь событий 1830 г. во Франции и 1832 г. в Британии. В целом, больший упор, в особенности в русской историографии, делался на парламентскую реформу 1832 г.

Вопрос о том, породила ли «конституционная реформа» 1828–1832 г. контрреволюцию, поднимается авторами только в самом конце главы. С точки зрения М. С. Стецкевич и Е. С. Стецкевич рассматривать контрреволюционной последующую деятельность тори, боровшихся против парламентской реформы, нет оснований, поскольку практических действий не было предпринято.

Раздел, посвященный феномену контрреволюции в Новейшее время, открывает глава, где профессором В. Н. Барышниковым проанализированы причины победы контрреволюции в Финляндии.

В своем исследовании он подчеркивает зависимость событий в Финляндии от изменений, произошедших в финском обществе, и показывает процесс обретения Финляндией государственности. Автор задается вопросом, почему большевики стали выстраивать отношения с представителями финских контрреволюционеров, и указывает, что практические выводы, которые извлекли большевики из победы финской контрреволюции, ранее не изучались. В. Н. Барышников обосновывает это необходимостью признания советского правительства за рубежом, поскольку сам факт открытого обращения в Смольный финской власти являлся первым опытом признания советской власти и придавал ей международный статус.

Профессор В. Н. Барышников освещает причины, почему финская власть пошла на это несмотря на то, что в буржуазных кругах Финляндии наблюдалось явное недоверие к Советам, кроме того он показывает, в чем следует искать причины победы контрреволюции в Финляндии – исход финской гражданской войны определился лишь после высадки немецкого десанта. Автор приводит свидетельства очевидцев, иллюстрирующие, что Советская Россия в дальнейшем не могла не учитывать контрреволюционный опыт Финляндии. Кроме того, это исследование демонстрирует, что контрреволюция вполне могла пойти в дальнейшем на сотрудничество, что и произошло в случае с Советской Россией.

Иными словами, в данной части коллективной монографии нашему вниманию представлен анализ важного в историческом понимании первого опыта гражданской войны в XX веке на территории бывшей Российской империи, завершившийся победой сил контрреволюции.

Вслед за финским опытом контрреволюции мы переходим к рассмотрению национал-социализма с позиций революции и контрреволюции. Профессор О. Ю. Пленков пишет, что нацистская политика осуществила своего рода «социальную революцию»⁴. Он видит в ней определенный модернизм и посыл в современность, без которого не было бы современной Германии, поскольку именно нацистам удалось осуществить социальную революцию, с чем не справились ни в кайзеровской империи, ни в Веймарской республике.

О. Ю. Пленков обращается к расовым мифам, поднимает вопрос о цене человеческой жизни. Показано, что европейская общественность никак не реагировала на антисемитские меры, предпринимаемые нацистами. И, если в годы нацистского режима общественность еще кое-как протестовала против подобных мер, то после 1945 г. об этом печальном опыте было забыто. Среди прочего автором прослеживается идея о схожести чистоты расы у немцев и евреев.

Автор задается вопросом, почему такой ажиотаж вызвал холокост, когда масштабы этого бедствия несравнимы с потерями Второй мировой войны? Ответ им видится в том, что евреи играли важную роль в развитии современной западной цивилизации. Интересно отметить, что в тексте очень чувствуется, как над автором довлеют стереотипы о немцах: их дисциплинированности и законопослушности.

⁴Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени... С. 386.

В рамках историографических прений относительно холокоста О. Ю. Пленков объясняет, почему могло не сохраниться письменных свидетельств относительно тех событий – поскольку и так все было понятно; он объясняет это внутренней логикой нацистского режима. Вместе с тем, в тексте практически не показана разница между экстерминалистским и интенционалистским направлениями в историографии холокоста, поскольку среди характерных черт обоих направлений приведено, что убийства евреев были преднамеренными и запланированными.

В итоге, размышляя над природой тех событий, О. Ю. Пленков приходит к выводу, что нацистская политика смогла осуществить мнимую модернизацию, а именно нацистская революция стремилась к осуществлению антимодернистских целей средствами модернизации. Таким образом, если мы верно поняли мысль автора, то все-таки это была революция, а не контрреволюция.

Последняя глава, раскрывающая феномен контрреволюции в Новейшее время, посвящена «Тихой революции» Эдварда Хита, а именно реформам 70-х гг., революционным по своему содержанию. В ней В. Н. Чепик определяет особенности принятия Британией в ЕЭС и утверждает, что вступление в ЕЭС открыло консерваторам еще одно направление для продвижения своей «Тихой революции».

Исследуя данный процесс, автор рассматривает британские действия с контрреволюционных позиций, поскольку они то и дело наталкивались на противодействие со стороны Общего рынка. В. Н. Чепик, анализируя итоги столкновения данных процессов, приходит к выводу, что британская контрреволюция способствовала ослаблению федеративных тенденций в ЕЭС⁵.

Однако можно ли назвать эти события контрреволюцией? Мы задаемся этим вопросом, поскольку в тексте очень смутно прослеживалось, по каким конкретно параметрам британские действия, направленные на интеграцию с ЕЭС, автор полагал контрреволюционными. Эти положения добавили бы большей аргументации, если бы были помещены в начале главы. Также следует отметить, сам термин «Тихая революция» относится к сфере политических клише, используемых для обозначения политики преемственности с политикой лейбористов, но не несет в себе более глубокого содержания.

⁵Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени... С. 461.

Нам кажется важным отметить момент, который придавал бы большей стройности и логичности данному исследованию. У коллективной монографии как у явления имеется выгодное отличие – она позволяет с разных сторон, используя разные методы и ситуации, подойти к оценке того или иного исторического феномена, выделить общее и особенное. В то же время это налагает и определенные ограничения, например, в виде использования единой терминологии. В наибольшей степени это можно проследить на примере Французской революции. В тексте монографии мы можем найти употребление терминов как «Великая французская революция», так и просто «Французская революция», или как «якобинцы», так и «монтаньяры». Нам кажется важным применение единого подхода к терминам в монографическом исследовании. Так, в настоящее время во французской историографии и в «новой русской школе» изучения Французской революции XVIII в. верной считается последняя трактовка, а марксистские термины уже давно признаны анахронизмом. Наряду с этим вызывает вопрос обоснованности употребления терминов «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Английская буржуазная революция» и «классовая борьба». Еще стоит отметить, что в литературе обычно именуют президента Франции В. Жискара д'Эстен, а не В. Ж. Эстьен.

Еще хотелось бы особенно обратить внимание на одну часто встречающуюся ошибку в библиографии. Традиционно считаются допустимыми сокращения в названии городов Москва, Санкт-Петербург, Ленинград (М., СПб., Л.). Однако в соответствии с ГОСТом Р 7.0.12-2011 такие сокращения теперь допустимы только в библиографических ссылках, а в библиографических описаниях названия всех городов должны приводиться полностью. Кроме того, согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 обязательным элементом является указание страниц у изданий, что приведено только у литературы к первой главе. В библиографии отделение источников от литературы было бы более удобным для восприятия.

Подводя итог, стоит вновь обратиться к известной эпиграмме Дж. Харингтона. Показательно, что автор использовал термин «Treason» – «предательство». Для английского придворного и поэта, бывшего крестником Елизаветы I, не существовало понятия «революция», равно как и «контрреволюция». И то и другое в равной степени оценивалось как «предательство». С. Я. Маршак в своем переводе использовал термин «мятеж», что не совсем согласуется с эпиграммой Харингтона. Он также добавил заголовок «Простая истина», которого нет в оригинале. Но

слово «мятеж» также в равной степени может относиться как к «революции», так и к «контрреволюции». Все зависит лишь от точки зрения, на которой стоит автор. Поэтому в коллективной монографии, посвященной феномену контрреволюции, стоило более четко определить, какой смысл вкладывается в этот термин, равно как и в его антоним, и соблюдать это концептуальное единство на протяжении всей монографии. К сожалению, попытка разобраться с дефинициями содержится только в главе, принадлежащей авторству Т. Н. Гончаровой. В результате исследуемые в монографии разнообразные явления и трактовки контрреволюции, безусловно, свидетельствуют как о многообразии ее проявлений, так и о многообразии авторских трактовок и подходов.

Следует отметить, что дихотомия «революция» – «контрреволюция» весьма условна (снова вспомним эпиграмму Харингтона). При этом, чаще всего, в соответствии с традицией, идущей от XIX в., под «революцией» подразумевается некое позитивное изменение, хотя примеры многих «революций», например, «нацистской революции», упоминаемой О. Ю. Пленковым, или относительно недавних, свидетельствуют об обратном. В то время, как «контрреволюция», обычно имеющая негативную коннотацию, в историческом смысле может быть вполне позитивным явлением, как показал профессор В. Н. Барышников, хотя бы потому, что она может положить конец крайностям и свойственной революциям тенденции выходить за рамки исторически возможного.

С этой точки зрения, якобитское движение можно считать контрреволюционным только если мы остаемся на позициях старой вигской легенды, обозначившей дворцовый переворот 1688 г., завершивший процесс перехода Англии к элитократии, переставшей нуждаться в поддержке Короны, как «Славную революцию». Точно также нельзя не согласиться с тем, что Вандейское восстание, также, как и реакция итальянцев на внешнее вторжение, или испанская герилья, вряд ли могут считаться контрреволюцией. Дополнительного обоснования требуют трактовки реформ 1828–1832 гг. как «конституционной революции» и, соответственно, политического и религиозного противостояния проводившимся реформам, в котором сложно обнаружить какие-либо признаки контрреволюционности. Аналогично и «Тихую революцию» Эдварда Хита (в главе авторства В. Н. Чепика) в равной степени сложно отнести как к «революции», так и к «контрреволюции».

Важно подчеркнуть, что коллективная монография «Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных

практик в Европе Нового и новейшего времени» позволяет по-новому взглянуть на феномен контрреволюции, используя разные исторические явления, включая сюда как стандартное понимание контрреволюции в виде вооруженной или невооруженной формы сопротивления, так и казалось бы неординарное понимание данного процесса в его идеологическом и религиозном содержании.

Коллектив авторов пришел к выводу, что контрреволюция неизменно связывает себя с революцией, а значит, зависит от ее терминологии, где могут таиться определенные сложности. Вследствие указанных выше причин данный феномен можно характеризовать как контрреволюционный, только если изначальное явление – революционно по своей сути.

Таким образом, в данном исследовании было показано многообразие контрреволюционных явлений, которое невозможно полностью раскрыть в рамках одной монографии. Авторский коллектив достиг поставленных цели и задач, и авторам удалось представить на суд читателю комплексный взгляд на проблему осмысления феномена контрреволюции в Европе в Новое и новейшее время, а в заключении содержится успешная попытка сконструировать общую модель контрреволюционного ответа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Borisenko V.N., Demicheva T.M. Recenziya na kolektivnuyu monografiyu: ot nacional'nyh gosudarstv k edinoj Evrope: problemy evropejskoj integracii v XIX-XXI vv. [Review of a collective monograph: from nation states to a united Europe: European problems of integration in the XIX-XXI centuries]. Edited by A. V. Smolin / avtorskij kolektiv: Baryshnikov V. N., Vozgrin V. E., Goncharova T. N., Evdokimova N. P., Klimova G. S., Plenkov O. Ju., Sidorenko L.V., Sokolov O. V., Fokin V. I., in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni* [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]. 2017. № 17–1. P. 222–225.

Борисенко В.Н., Демичева Т.М. Рецензия на коллективную монографию: от национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв. Под ред. А. В. Смолина / авторский коллектив: Барышников В. Н., Возгрин В. Е., Гончарова Т. Н., Евдокимова Н. П., Климова Г. С., Пленков О. Ю., Сидоренко Л.В., Соколов О. В., Фокин В. И. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 620 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17–1. С. 222–225.

Fenomen kontrrrevolyucii v istorii: sravnitel'nyj analiz postrevolyucionnyh praktik v Evrope Novogo i novejshego vremeni [The Phenomenon of Counter-Revolution in His-

tory: A Comparative Analysis of Post-Revolutionary Practices in Europe in New and Contemporary Times]. Edited by A. V. Smolin / avtorskij kolektiv: Baryshnikov V. N., Goncharova T. N., Kipnis B. G., Sidorenko L. V., Steckeovich E. S., Steckeovich M. S., Plenkov O. Ju., Chepik V. N. St. Petersburg: Publ. house of the RHGA, 2021, 512 p.

Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе Нового и новейшего времени. Под ред. А. В. Смолина / авторский коллектив: Барышников В. Н., Гончарова Т. Н., Кипнис Б. Г., Сидоренко Л. В., Стецкевич Е. С., Стецкевич М. С., Пленков О. Ю., Чепик В. Н. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2021. 512 с.